

Пятнадцатый год девиза правления Гунцзинь династии Даюань. Прославленный генерал Чжоу Цзици, долгие годы воевавший на чужбине, с триумфом вернулся в столицу. За последующие два года он тайно переманил на свою сторону и подчинил себе столичных военачальников. Заполучив власть над жизнью и смертью, он обрел невиданное могущество. Стоя выше всех, кроме одного человека, Чжоу Цзици заставил даже самого императора опасаться его.

К семнадцатому году Гунцзинь император тяжело занемог. Снадобья лекарей не помогали — правитель угасал на глазах, находясь на волосок от смерти.

С приходом зимы подули пронизывающие ледяные ветры. Перед покоями императора не осталось ни единого стражника, ни единого евнуха или служанки. Вокруг царила давящая, беспросветная пустота.

Чжоу Цзици плотнее запахнул подбитый лисьим мехом плащ и подошел к императорской опочивальне.

Стоило ему приоткрыть дверь, как в нос ударил горький запах лекарственных отваров, смешанный со всякой затхлой гарью, отчего Чжоу Цзици невольно поморщился.

Пройдя вглубь покоев, он увидел иссохшего, безжизненного человека, распростертого на ложе. Услышав шаги, тот приоткрыл мутные глаза, но едва завидев Чжоу Цзици, округлил их от ужаса и ненависти. Правитель попытался позвать слуг.

Но за дверями никого не было. За те долгие дни, что он провел прикованным к постели, слуги вокруг него сменились уже несколько раз, о чем он даже не подозревал.

Император с трудом поднял руку и указал на Чжоу Цзици. Его голос, давно не произносивший ни слова, хрипел:

— Чжоу... Чжоу Цзици... вероломная твоя душа!

Едва сорвалось это обвинение, как его рука бессильно рухнула на постель.

Чжоу Цзици смотрел на него сверху вниз. Черты его лица, закаленного в боях, дышали суровым величием воина. На губах играла едва заметная усмешка, но в глубине глаз мерцал ледяной блеск. Он глухо произнес:

— Мою душу нельзя назвать вероломной. В конце концов, я позволил тебе прожить на два года дольше.

Едва эти слова сорвались с его губ, как император уловил скрытый в них смысл. На его лице отразилось изумление, смешанное с горьким осознанием:

— Ты... это ты... Ты давал мне яд?!

Император взошел на престол в восемнадцать лет и правил уже пятнадцать зим. Здоровье его всегда было отменным, он не знал тяжелых недугов. Но два года назад, после случайного падения в воду, его силы стали таять. Любая легкая простуда приковывала его к постели на долгие дни, а теперь тело и вовсе угасало, хотя даже искуснейшие императорские лекари не могли распознать болезнь.

Теперь все встало на свои места, но он и подумать не мог, что за этим стоит Чжоу Цзицзи.

Чжоу Цзицзи холодно взирал на него. Он не проронил ни слова, но выражение его лица говорило само за себя.

— Я... кхм... Я ведь всегда благоволил тебе... — Император задыхался от гнева и бессилия. Он хрипел, тщетно пытаясь унять колотящееся сердце.

— Благоволил? — Чжоу Цзицзи слегка наклонился, словно опасаясь, что угасающий император уже оглох. — Когда ты и твоя многоуважаемая матушка-вдовствующая императрица вышвырнули меня из Дворца Минюэ на растерзание позору, а затем подослали убийц, думали ли вы о благоволении? Если бы не моя судьба, если бы тот удар клинка не прошел в волоске от сердца и я не выжил среди трупов на общем кладбище, мне бы не довелось сейчас выслушивать твои излияния.

Словно воскресив в памяти те далекие дни, император уставился на него с непередаваемым ужасом. Он задрожал всем телом, силясь отползти назад.

— Ты... ты тот самый А-Гуй! Выродок той твари!

А-Гуй стал первым человеком, которого император лишил жизни — тогда это был всего лишь одиннадцатилетний ребенок. Все эти годы решительный, пугающий взгляд мальчика, принимающего смерть, взгляд восставшего из преисподней демона, преследовал правителя в кошмарах.

Даже став Сыном Неба и заняв драконий престол, он продолжал просыпаться в холодном поту посреди ночи, стоит лишь этому взору явиться ему во сне.

Чжоу Цзицзи тонко улыбнулся, упиваясь сладостным чувством свершенного возмездия, но миг спустя его губы снова сомкнулись в холодную линию.

— Надо же, Ваше Величество все еще помнит меня.

Помнит того маленького нищего, который только-только поверил, что его жизнь наладилась, но был безжалостно растоптан. Помнит и ту женщину с добрым сердцем бодхисаттвы, которая

вырастила его, но пала жертвой зависти и наветов императрицы.

Вцепившись в край ложа, император судорожно ловил ртом воздух, но каждый вдох давался ему с трудом, а грудь лишь бессильно вздымалась. Лицо его налилось багровой краской, он не мог вымолвить больше ни слова.

Чжоу Цзици выпрямился и окинул его равнодушным, отрешенным взглядом.

— Ах да, теперь тебя не стоит звать Вашим Величеством. Отныне ты — усопший государь. Что ж, усопший государь, доброго тебе пути в загробный мир.

Зимой семнадцатого года Гунцзинь император испустил дух. В столице объявили траур.

Прежний правитель скончался, не успев назвать преемника, и трон пустовал. У покойного государя когда-то было двое сыновей, но за последние два года оба они погибли из-за несчастных случаев. Теперь у династии не осталось прямых наследников, а во дворец вернулся властолюбивый Чжоу Цзици, отчего придворные пребывали в постоянном страхе.

Едва завершились поминальные обряды, все придворные чины — как гражданские мужи, так и военные мужи — собрались в Зале Совета. Их взгляды были прикованы к Чжоу Цзици, сидевшему на возвышении.

Чжоу Цзици держал в руках военную мощь Даюань, и авторитет его был непререкаем. Еще при жизни покойного государя он занимал второе место в Поднебесной, а со смертью правителя и вовсе стал всевластным временщиком, способным одной рукой заслонить солнце.

В Зале Совета царила гнетущая, леденящая атмосфера. Суровые военачальники плотным кольцом обступили гражданских чиновников — те чувствовали себя мышами, угодившими в логово к котам. Колени у них дрожали, и никто не смел даже вздохнуть лишний раз.

И все же несгибаемый дух книжников не так-то просто было сломить. Даже под этим удушающим давлением они изо всех сил старались сохранять достоинство, намереваясь отстоять права законной династии Чжун.

— У покойного государя не осталось сыновей, — небрежно нарушил молчание Чжоу Цзици, поигрывая Мечом Шэнь, лезвие которого испускало холодные блики. Он медленно обвел взглядом собравшихся. — Посему трон по праву должен унаследовать его императорский брат.

Эти слова мгновенно умерили пыл чиновников, уже приготовившихся к решительной схватке. Они полагали, что при своем нынешнем могуществе Чжоу Цзици попросту провозгласит новую династию, и никак не ожидали, что он так легко оставит престол роду Чжун.

Сановники растерянно переглядывались. Они не могли разгадать помыслов этого грозного

военачальника. Наконец самый почтенный из них, премьер-министр Лю, выступил вперед:

— Осмелюсь спросить, о каком именно из братьев покойного государя идет речь?

— Его высочество князь Мин, Чжун Минхэ, одарен редким умом от природы и отмечен благословением Небес... — Чжоу Цзицзи осыпал Чжун Минхэ самыми возвышенными похвалами, а на его лице сияла мягкая, лишенная малейшего лукавства улыбка. — Вторя чаяниям народа и пред лицом Неба и Земли, он должен взойти на престол как новый государь.

Слушая это, сановники все сильнее багровели от смущения и принимались перешептываться:

— Это... это он точно о князе Мине говорит?

Все во дворец Даюань и даже простые простолюдины знали, что его высочество князь Мин, Чжун Минхэ — никчемный бездельник, гнилое дерево, из которого не вырезать скульптуру. В юности он тяжело заболел, а из-за скудости средств на снадобья жар повредил ему разум, оставив дурачком. Теперь все его мысли вертелись лишь вокруг еды да сна. Он целыми днями слонялся без дела и нес околесицу. Описанный Чжоу Цзицзи благородный муж и этот юноша были словно небо и земля.

— Но это... боюсь, неблагоприятно. Боюсь, добродетели князя Мина едва ли позволят ему соответствовать... — набравшись храбрости, подал голос один из гражданских сановников.

— О? — прервал его Чжоу Цзицзи и крепче сжал рукоять обнаженного Меча Шэнью. — В таком случае, у господина Чжана есть кандидат получше?

Господин Чжан скосил взгляд на грозный, так и веющий смертным холодом Меч Шэнью, с трудом сглотнул слюну и поспешно попятился, прячась за спину премьер-министра Лю.

Поговаривали, что этим клинком Чжоу Цзицзи сразил бесчисленное множество вражеских правителей и полководцев. Меч впитал реки крови и весил не меньше тысячи цзиней — простому смертному было не под силу даже поднять его. Что уж говорить об ударе: одно легкое прикосновение этого оружия могло размозжить человеку голову и разнести плоть в клочья. Хрупкие книжники бледнели от одной мысли об этом.

Сановники прекрасно понимали, что Чжоу Цзицзи попросту намерен держать при себе марионеточного правителя, чтобы вершить судьбы государства, а со временем подыскать благовидный предлог для узурпации власти. Разумеется, помыкать бесхитростным простаком Чжун Минхэ было проще простого, и именно поэтому они так не хотели видеть его на троне.

Однако у покойного государя не осталось сыновей — лишь трое младших братьев: ван Юэ, ван Сян и князь Мин. Первые двое слыли отпетыми гуляками, преуспевшими в кутежах, азартных играх и распутстве, а не так давно и вовсе загубили безвинную душу. Посадить такого на трон

— значит обречь народ на невыносимые страдания. На их фоне тихий дурачок казался меньшим из зол.

К тому же тягаться с Чжоу Цзицзи было выше их сил. В конечном счете все равно выходило так, как решал он сам.

Траурные церемонии едва подошли к концу, все положенные обряды были совершены. Пока служанки и евнухи суетились, наводя порядок, а сановники держали совет в Зале Совета, юркая серая фигурка бесшумно проскользнула на малую кухню и тут же вынырнула обратно, бережно прижимая к груди честно добытый трофей.

Еще до рассвета Чжун Минхэ поднял с постели его личный евнух Ли. С тех пор юноша маковой росинки во рту не видел, если не считать пары глотков жидкого рисового отвара. От голода у него уже двоилось в глазах, когда ему наконец улыбнулась удача: он исхитрился стащить с кухни тарелочку сладких рисовых пирожных с османтусом.

Нежное тесто из клейкой рисовой муки, замешанное на меду и густом османтусовом сиропе, выпекали на пару в изящных формочках-лепестках, а затем щедро поливали душистым золотистым медом и украшали сушеными цветами.

Это было любимое лакомство Чжун Минхэ, но в обычные дни ему редко удавалось им полакомиться.

Забившись в тихий уголок, он запихнул в рот огромный кусок. Обе его щеки раздулись, отчего он стал похож на запасливого хомяка, и на лице его разлилось выражение полнейшего блаженства.

Его личный слуга, молодой евнух Сяо Юань, выросший вместе с ним, стоял на часах, бдительно следя, чтобы их никто не застукал.

Хотя Сяо Юань не раз помогал своему господину в подобных проделках и сейчас даже прятал за пазухой собственную долю добычи — сладкое пирожное, он всякий раз дрожал от страха. Ему приходилось держать ухо востро и постоянно озираться по сторонам.

Покончив с первым пирожным, Чжун Минхэ принялся слизывать с пальцев сладкий мед, но случайно задел саднившую обмороженную кожу, отчего болезненно сморщился.

— Не бойся ты так, — прошамкал он. — Они все заняты... *ик*... уборкой. Им не до нас.

Затем он взял еще одно пирожное и прикусил его зубами.

Но не успело затихнуть эхо его слов, как навстречу им запыхавшись выбежал управляющий евнух из Резиденции князя Мина, Ли Дэли. Лоб его блестел от пота. Завидев Чжун Минхэ, он с облегчением выдохнул и бросился к нему, хватая за рукав:

— Ох, ваше высочество! Ваше высочество, наконец-то я вас отыскал!

Евнух Ли не мог подавить бурлившую в груди радость, смешанную с растерянностью и затаенным страхом. Взглянув на своего господина, который по-прежнему бережно прижимал к груди тарелку со сладостями, он с досадой воскликнул:

— Ваше высочество, да бросьте вы эти пирожные! Поспешите в главный зал слушать указ — вас провозглашают императором!

Глаза Чжун Минхэ округлились, он оцепенел на месте. От изумления его рот сам собой приоткрылся, и недоеденная половинка османтусового пирожного шмякнулась на землю.

На сладком боку сиротливо остался след от ровного ряда мелких зубов.

Что? Кого-кого провозглашают?

<http://bllate.org/book/21172/2144759>